СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЯЗЫКА
ТОМ 44 · № 1 · 1985

В. Ш. КРИВОНОС

ПРИТЧА О КИФЕ МОКИЕВИЧЕ И ЕЕ РОЛЬ В «МЕРТВЫХ ДУШАХ»

1

В последней главе «Мертвых душ» автор, предвосхищая обвинение в антипатриотизме (со стороны «так называемых патриотов»), приводит в ответ притчу о Кифе Мокиевиче и его сыне Мокии Кифовиче, двух «обитателях» «одного отдаленного уголка России» [1, т. 5, с. 351]. Притча — один из древнейших жанров. Какие особенности ее жанрового содержания, какие скрытые в ее поэтике изобразительные возможности и смысловые ресурсы, какие предопределенные традицией принципы использования этих возможностей послужили причиной обращения к жанру притчи в гоголевской поэме?

Внимание исследователей уже привлекали другие древнейшие жанры, влияние которых обнаруживается в художественном строе «Мертвых душ»,— народная песня, пословица и «слово» [2, с. 85—95]. Но смысл и функции притчи о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче в работах о Гоголе почти не рассматривались. Если же этот фрагмент поэмы и затрагивался, то обычно для характеристики тех или иных черт гоголевского мировоззрения, однако без специального учета внутренней связи с художественным миром, сюжетом, образной системой и т. д. Другими словами, притча берется для иллюстрации мнения исследователя об идейной позиции Гоголя, а не для уяснения ее места в составе художественного целого.

Но при таком подходе неизбежны упрощения и смысловые потери. Например, С. И. Машинский, подробнее других разбиравший притчу о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче, полагал, что именно здесь «просветительская мечта Гоголя выражена прямо и освещает слабую сторону гоголевского пафоса подвижничества во имя родины» [3, с. 88]. Отождествив творца «Мертвых душ» с изображенным им автором, исследователь предложил такую расшифровку значения притчи: «Российские лжепатриоты, от доморощенных философов до самого царя, не хотят унять разбушевавшихся сынков своих, терзающих народ (Мокий Кифович упражняется на своей и чужой дворне), не хотят выносить сор из избы своего государства. Слово правды остается сказать литературе. <...> Наивна, конечно, вера в то, что словом „святой правды“ можно „унять“ его и привести в благообразный вид, устраивающий русский народ» [3, с. 88—89].

Думается, что подобная трактовка притчи по меньшей мере недостаточна, так как не только не объясняет ее художественно-структурную необходимость, но даже порождает сомнения в такой необходимости. Подлинное значение притчи раскроется лишь в том случае, если удастся прочитать и понять ее в многозначном контексте «Мертвых душ» без публицистических натяжек и недоверия к художественной мысли писателя.

Первые шаги на этом пути уже сделаны. В ряде работ указана смысловая связь псевдобогатырских «подвигов» Мокия Кифовича с темой истин-